

— Малец, ты хоть понимаешь, что творишь? — Цзя Синлинь отшвырнул руку Линь Дуна и, разминая шею, одарил его свирепым взглядом. — Самовольно уводишь пациента, нападаешь на медперсонал — ты хоть понимаешь, что уже нарушил закон?

Линь Дун не дрогнул. Напротив, он шагнул вперед, и в его глазах блеснула холодная сталь.

— Неужели? А хватит ли у тебя духу позволить полиции взглянуть на этот липовый счет за лечение?

— Ты...

— Мы оба прекрасно знаем, что будет, если этот медицинский шантаж всплывет наружу! — холодно отрезал Линь Дун. Он правой рукой вцепился в воротник Цзя Синлиня и с силой впечатал его в стену.

На руках Линь Дуна вздулись вены, а голос упал до низкого, угрожающего шепота:

— Ты, подонок, даже недостойн носить белый халат!

Цзя Синлинь задыхался, его лицо стремительно багровело, но он всё еще пытался хорохориться:

— Думаешь... я тебя боюсь? В больнице есть камеры... если сейчас... отпустишь, еще не поздно...

Линь Дун лишь сильнее сжал пальцы. Лицо Цзя Синлиня посинело, изо рта показался кончик языка, и в его глазах наконец промелькнул животный ужас.

— Линь Дун! Отпусти его, немедленно! — Линь Хунмэй, охваченная паникой, бросилась вперед и вцепилась в руку сына. — Сынок, оно того не стоит! Если ты его до смерти задушишь, нам конец!

Линь Хунмэй, срываясь на рыдания, тянула сына за рукав:

— Умоляю, ради матери, не совершай глупостей!

Линь Дун взглянул на бледное, испуганное лицо матери. Его брови сошлись на переносице, и он наконец разжал пальцы.

— Кхе-кхе-кхе! — Цзя Синлинь рухнул на пол, заходясь в тяжелом кашле и жадно хватая ртом воздух. В его глазах читалась лютая ненависть.

Линь Дун посмотрел на него сверху вниз:

— Я оплачу честные расходы на лечение, но ни копейки за фальшивые услуги не дам. Если вздумаешь заявить в полицию, я сам подам жалобу на ваше мошенничество!

Цзя Синлинь, чье лицо то бледнело, то краснело от ярости, уже собирался ответить, но тут двери лифта с мелодичным звоном разошлись.

Из кабины быстрым шагом вышла группа людей. Впереди шел мужчина средних лет в очках в золотой оправе, за ним следовали медработники и старик с весьма примечательной внешностью.

Увидев их, Цзя Синлинь вмиг переменялся в лице.

— Директор Ли! — он поспешно вскочил с пола и прошептал Линь Дуну: — Давай договоримся, скидка! Я сделаю тебе скидку двадцать процентов...

Не дожидаясь ответа, Цзя Синлинь трусцой бросился навстречу гостям, расплываясь в угодливой улыбке:

— Здравствуйте, директор Ли!

Из лифта вышли еще несколько статных мужчин в сопровождении телохранителей в черном. В центре они несли носилки. На носилках лежал старик с землисто-желтым лицом; его глаза были плотно закрыты, а дыхание едва уловимо.

— Срочно готовьте палату интенсивной терапии! — отрывисто скомандовал Ли Гуанъяо. — Господин Цзинь Хай приехал осмотреть господина Дянь Ба!

Цзинь Хай? Господин Дянь Ба?

Услышав это, выражение лица Цзя Синлиня из высокомерного вмиг превратилось в подобострастное, а на лбу выступил холодный пот.

— Сейчас же всё подготовим! — он засуетился, подгоняя медсестер. — Третью палату интенсивной терапии, живо!

Линь Дун помог матери сесть на скамейку в коридоре, с любопытством наблюдая за этой важной делегацией.

Носилки быстро пронесли мимо них. Линь Дун внимательно взглянул на больного. Старик

выглядел совершенно безжизненным, угасающим, но, что странно, явных признаков болезни не было видно.

— Кто это такие? — тихо спросила Линь Хунмэй.

— Не знаю, но точно не последние люди, — ответил Линь Дун, провожая взглядом процессию, скрывшуюся в палате.

Почему-то у него на душе стало беспокойно.

Любопытство взяло верх, и Линь Дун поднялся:

— Мам, посиди здесь, я схожу посмотрю.

— Только не ввязывайся в неприятности! — тревожно наказала мать.

Линь Дун кивнул и тихо подошел к дверям палаты. Внутри царил напряженный воздух.

— Господин Цзинь, что с моим отцом? — взволнованно спросил мужчина лет сорока. Он был в безупречном костюме, и каждое его движение выдавало человека высокого полета.

— Дайте осмотреть, — сухо ответил Цзинь Хай.

Это был старец лет шестидесяти, с тонкими чертами лица и длинной бородой. Его руки порхали над телом господина Дянь Ба, нажимая на точки. Старик то и дело издавал озадаченные звуки.

Линь Дун стоял у двери, прячась за спинами людей, и внимательно наблюдал.

— Это люди из семьи Дянь из Линьчэна, — донеслось до него шептание медсестер. — Старик — это Дянь Цзе, богатейший человек города. А те трое — его сыновья, старший Дянь Фан, второй Дянь Вэй и младшая дочь Дянь Минся... Говорят, их состояние исчисляется десятками миллиардов!

Цзинь Хай отнял руки, нахмурился и тяжело вздохнул.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Дянь Фан.

Цзинь Хай покачал головой:

— Дыхание слабое, температура падает... Дела плохи.

— Что это значит? — Дянь Вэй нахмурился.

— Я не вижу причины болезни, — голос Цзинь Хая звучал глухо. — Могу лишь сказать, что... возможно, медицина здесь бессильна.

— Не может быть! — Дянь Вэй вскочил, его глаза налились кровью. — Вчера отец был здоров, как он мог так внезапно...

— Господин Цзинь, посмотрите еще раз, умоляю! — голос Дянь Фана звучал почти жалобно.

Цзинь Хай горько усмехнулся:

— Молодой господин, я практикую уже пятьдесят лет и признаю — я бессилен. Состояние вашего отца, боюсь...

— Директор Ли, у вашей больницы должны быть хоть какие-то способы? — Дянь Вэй повернулся к Ли Гуанъяо.

Ли Гуанъяо внутри похолодел, но постарался сохранить невозмутимость:

— Мы можем провести полное обследование: КТ, МРТ, анализы крови, а затем...

— Пока придут результаты, старик уже отдаст концы.

Легкий голос, донесшийся от двери, пронзил присутствующих, словно клинок. Все удивленно обернулись: в дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял Линь Дун с невозмутимым видом.

— Ты еще кто такой? — рявкнул Дянь Вэй, метая в него гневные взгляды.

Линь Дун не ответил. Он прошел к койке, не сводя глаз с господина Дянь Ба.

— Что ты делаешь? Охрана! — взвизгнул Ли Гуанъяо.

Цзя Синлинь тоже оживился:

— Это он! Этот щенок только что напал на меня!

Дянь Вэй сделал резкий выпад, преграждая Линь Дуну путь:

— Стоять!

Линь Дун остановился и спокойно посмотрел на больного:

— Это не болезнь. Он стал жертвой одержимости духом.

— Одержимости... духом? — в глазах Цзинь Хая мелькнуло странное выражение.

— Бред какой-то! — усмехнулся Цзя Синлинь. — Мальчишка, что ты вообще понимаешь в медицине?

Линь Дун проигнорировал Цзя Синлиня, обратившись к Цзинь Хаю:

— Почтенный, вы ведь должны знать, что это такое?

Цзинь Хай изменился в лице. Поколебавшись, он кивнул:

— Легенды гласят, что человек на грани жизни и смерти может столкнуться с нечистой силой, из-за чего его жизненная энергия утекает, а темная — проникает внутрь... Но это всё суеверия!

— Суеверия или нет, решать вам, — Линь Дун слегка улыбнулся. — У него сзади на шее синяк, пульс идет вспять, под языком чернота... Это классические признаки одержимости.

Цзинь Хай вздрогнул. Он поспешно наклонился к шее и рту больного, и его глаза расширились от изумления.

— Не может быть... Неужели правда...

— Какой век на дворе, а вы верите в эту чушь? — нетерпеливо перебил Дянь Фан. — Парень, не мели ерунды!

— Директор Ли, начинайте полное обследование, — холодно приказал Дянь Вэй.

Линь Дун пожал плечами:

— Как хотите. Но если действительно хотите спасти человека, не теряйте времени.

— Ты смеешь клеветать на моего отца? — Дянь Вэй сжал кулаки, в его глазах полыхал гнев.

— У вашего отца сердцебиение меньше тридцати ударов в минуту, температура упала до тридцати пяти градусов. Еще час — и спасти будет некого, — голос Линь Дуна звучал спокойно, но каждое слово падало, как молот.

— Неужели всё так серьезно? — Дянь Фан обернулся к Ли Гуанъяо.

Тот в панике кивнул медсестрам. Вскоре одна из них, дрожа от страха, доложила:

— Пульс двадцать восемь... температура тридцать четыре и восемь...

<http://bllate.org/book/18537/1783218>